

1915

ВАЖА ПШАВЕЛА

1935

ПОЭТ ГОР

Творчество Важа Пшавела — одна из замечательных высот грузинской классической поэзии. Оно — лучшая сокровищница из того богатого литературного наследия, которое перешло к победившему рабочему классу — единственному достойному наследнику лучших ценностей, созданных человечеством в прошлом.

Чрезвычайно своеобразны, глубоко индивидуальны и оригинальны вся жизнь и творчество Важа Пшавела. Восторженно образованный, глубоко знакомый с социально-философскими и литературными идеями эпохи, он сознательно покинул центр культуры и общественной жизни, бежал из города и обосновался в своих любимых горах Пшав — Хевсуретии. Огромную часть своей жизни и лучший период своей творческой деятельности он провел в этих горах.

Как известно, вся тематика творчества Важа Пшавела определяется природой гор, людьми гор. Стихия природы, ее бескрайняя сила и величие, вместе с непреклонностью, коллективной волей людей гор составляют основные мотивы поэзии Важа Пшавела.

Его поэзия глубокими корнями связана с традициями народных преданий. Весь колорит стихов Важа, его лексика, строение, звучание стиха целиком берут начало от фольклора Пшав — Хевсуретии и опираются на диалект этого края.

Это сложившееся своеобразно жизни и творчества Важа Пшавела привлекло внимание исследователей и историков литературы к выводу, будто Важа Пшавела представляет собою обособленную фигуру, у которой якобы нет последователей, которую якобы ничто не связывает с общим ходом развития грузинской литературы и с социальными идеями своего времени.

Конечно, эта точка зрения ошибочна и безосновательна.

Важа Пшавела всегда ощущал организующее родство с передовой грузинской литературой. Он считал поэта Давида Гурамидзе своим предшественником. В стихотворении, посвященном Бараташвили, Важа Пшавела воспринимает всю свою преданность поэту. Но ближе всех он чувствует себя к литературному поколению 60-х годов.

ВАЖА ПШАВЕЛА

Одинокое слово

Бросил я слово в народ, но каково? — Сиротливое слово, больное, Слово, омытое горной слезой, Слово, пронзенное горем, тоской, Крик раздирающий, вопли и стоны

Женщины, в самом святом оскорбленной. Думал ли я, чтоб, возвращенное в муках, Пышно оно расцвело бы вокруг? — Сверху оно обросло жемчугами, Тело одело оно в изумруд, Мир весь покрыло своими лучами, Слово лазурного неба сосуд.

Будто монарх, будто мира владыка, Гордо восседал на трон золотой, Всем это слово сулит утешенье, Им восторгается мир весь земной; Я улыбаюсь себе сокровенно, Ибо оно было сказано мной, Я улыбаюсь, и слово и миру Чуждо моей заниматься судьбой. Радуюсь: слово, рожденное мною, В массах нашло уголок небольшой, Слово, пролитое злым человеком, Слово, омытое горной слезой, — Крик раздирающий, вопли и стоны Женщины, в самом святом оскорбленной!

Перевел Б. С.

Важа Пшавела с семьей в селе Чаргали (из материалов Музея писателя Грузии)

В нем ряде поэм и в своих замечательных прозаических этюдах Важа Пшавела нападает на всякого рода несправедливость и насилие. В его «Рассказе молодого оленя», «Сухом грабе» или «Маленькой фляге в тени чинары» даны аллегорические художественные элементы для воплощения идей справедливости, свободы и гуманизма.

Важа замечает социальную дифференциацию общества. В целом ряде своих произведений и, главным образом, в прозе Важа беспощадно клеймит паразитические элементы общества «Князя Пшатадзе», парских чиновников, торгашей, ростовщиков и т. д. Важа Пшавела беспощадно громит их, как паразитов нового времени и новой обстановки. Но, идеализируя лучшие традиции прошлого, воспеывая героизм и рыцарство предков, он все же не забывает, что и в прошлом было много отрицательного, непримемлемого и негодного. Он жестоко бичует несправедливость прошлого, темноту и недомыслие.

Таким образом, вставший против новой обстановки Важа Пшавела все же не склонен к безграничной идеализации прошлого.

Ясно, что поэтическое мышление Важа Пшавела, вставшее против империалистического самодержавия, не замечает и не в состоянии связать себя с той силой, которая действительно исторически была призвана к полной перестройке и обновлению общественной жизни. Эта сила в лице рабочего класса выросла, окрепла и превратилась в действенный, боевой авангардный класс при жизни и в период деятельности Важа Пшавела. Однако, он не смог полотить в боевым путем пролетариата. Его социальные воззрения ограничивались вообщем идеями борьбы за справедливость, бескорыстной любовью к крестьянскому труду.

На этих идейных основах зиждется все творчество Важа Пшавела. И хотя социальная сущность творчества Важа Пшавела была далека от мировоззренческих позиций рабочего класса, все же, несомненно, творчество Важа Пшавела исторически выполнило прогрессивную роль. Развернутая им критика тогдашнего общественного строя, несмотря на то, что эта критика была направлена к пролетарским позициям, все же представляла собою значительный фактор в пробуждении сознания масс против существовавшего в то время социального — политического строя.

Следует отметить и то обстоятельство, что Важа Пшавела в своих поэмах и стихотворениях показал весь трагизм замкнутой и примитивной жизни людей гор. В новой обстановке обострился конфликт между родовыми традициями и личной свободой. Раскрыв в чеканных поэтических образах этот конфликт, Важа показал драму распада родового натурального быта горцев.

Основная мировоззренческая сущность творчества Важа Пшавела в настоящее время устарела и очень далека от задач и идей класса, строящего социализм. Но творчество Важа представляет собою такую художественную ценность, которая безусловно включается в инвентарь строительства пролетарской культуры и представляет ценнейшее наследие для нас.

Нужно отметить реализм Важа Пшавела. Он рисует природу, он дает несравненные художественные шедевры человеческих характеров, он почти осязательно отображает действительность и даже в тех местах, где выступают его мистические духи — «дени» и «каджи» или где он ищет общий язык между человеком и природой, — даже здесь Важа Пшавела очень далек от мистицизма и живописует реальные переживания своих персонажей.

Литература пролетариата много подчеркивает и полагается на наследие Важа Пшавела на основе его критического освоения. Класс, строящий социализм, с величайшей любовью изучит его творчество.

Б. ЖЕНТИ.

Важа Пшавела. Работа худ. Н. Зданевича (масло)

ПАМЯТИ ВАЖА ПШАВЕЛА

16 октября, вечером, состоялось перенесение праха поэта Важа Пшавела с Дидубейского кладбища, где он был похоронен, в Мтацминдский пантеон грузинских писателей (на горе Давида).

Сегодня, в 2 часа дня, в Мтацминдском пантеоне — закладка памятника Важа Пшавела. Перед закладкой состоится митинг, который откроет народный комиссар просвещения Грузии тов. А. Татаришвили.

В 8 час. вечера в концертном зале Государственного консерватории состоится вечер, посвященный памяти Важа Пшавела, в связи с 20-й годовщиной со дня его смерти.

Вступительное слово на вечере скажет тов. А. Татаришвили, доклад о жизни и творчестве Важа Пшавела сделает Г. Киколазе.

В художественной части вечера примут участие писатели, а также артисты государственных театров.

С чтением стихов Важа Пшавела на украинском языке выступит поэт Микола Бажан.

Воспоминаниями о Важа Пшавела поделится друзья поэта и его брат.

Горемычная моя жизнь. Как стал на ноги, все по чужим людям батрачу. Семь лет отдал меня отец в батраки Длинноухому, и вот уже пять лет выплачивает ему оброк моим заработком. Из года в год рассчитывается отец с хозяином, а мне за все это время даже перочинного ножа не купил. Ну, да ничего, лишь бы были живы-здоровы мои родители.

Угнетает меня и мое одиночество. Случается, за четыре месяца души живой не увижу. Ну, какой же мне товарищ этот старик Папуа? Иногда мне даже не хочется возвращаться на ночь в загон, — а тогда лет начинается меня бранить. Сердится и ворчит:

— Носит тебя все где-то ленивый, а нет тогда, чтобы выбрать на пастбище овцам место, с травой посочней.

А в нашей общине, кланусь лашарским крестом, разве нужно искать сочную траву?

Днем и ночью со мной только мой разлазучный товарищ, мой Курпа. Никому не даст она меня в обиду.

Недавно, как-то, Тигуна Папурица, ухват от отца с сенокоса, пошел охотиться на глухарей. Я же в это время только-что пригнал овец в долину, заросшую орешником. Вдруг слышу сверху голос:

— Тило! А, Тило!

— Кто ты, друг или недруг? — ото-звался я.

— Еси не боишься, или стода, поборемся, — горло сказал Тигуна.

Трусом я никогда не был, и мы начали бороться.

Тигуна превосходит меня хитростью, а я его — силой. Так что мы были как будто равны. Но все же ему удалось повалить меня и схватить за горло. Увидев, что Тигуна не шутит, Курпа моя выскочилась на него, обила с ног, и, если бы я не поспешил на помощь, разорвала бы его на клочки.

Еще не было такого случая, чтоб какая-нибудь собака ододела мою Курпу. Гордая она, знает себе цену. Даже мне не простит, если я зря ее обижу. Обида и гня по три не удовлетворяет меня ласковым взглядом.

Еще спас от нее Тигуна. Чуть было не порвала ему новую шкуру и красивые пуговицы.

Важа Пшавела в воспоминаниях современников

Поэт Георгий Леонидзе подготовил к печати новую книгу о Важа Пшавела. В книге собраны воспоминания современников Важа Пшавела. Книга охватывает до 80 воспоминаний.

Двухтомник Важа Пшавела на русском языке

Издательство Загитва готовит к печати двухтомник избранных произведений Важа Пшавела, в переводах на русский язык.

В первый том войдут поэмы «Змеяд», «Бахтриони», «Гоготур и Аппина» и «Ост и хозани» в переводах Б. Пастернака. С. Горюхиной и др. Во второй том войдут прозаические произведения.

Выставка ПАМЯТИ ПОЭТА

Сегодня в Музее писателей Грузии открывается выставка, посвященная жизни и творчеству Важа Пшавела.

На выставке Важа Пшавела представлен портретами работы художников Л. Гудашвили, А. Кутателадзе, А. Бакбуке — Меликова и К. Зданевича. Многочисленные фотографии рисуют поэта в разные периоды жизни. Интересен рисунок комнаты — кабинета Важа Пшавела в его доме, в сел. Чаргали.

Творчество Важа Пшавела представлено на выставке значительным количеством его рукописей, среди них — поэма «Змеяд», ряд стихотворений и др. Музеем также собраны и почерпывающей полнотой все печатные труды Важа Пшавела на грузинском, русском и др. языках.

Бытовая сторона жизни Важа Пшавела представлена на выставке рядом принадлежавших ему вещей, в том числе — его пиджак, сельскохозяйственным орудиями, оружием — кинжалом, шитом и т. д., а также многочисленными снимками из жизни пшавов.

ВАЖА ПШАВЕЛА

Рассказ

МАЛЕНЬКОГО ПАСТУХА

(Из жизни пшавов)

А что с меня тогда возьмешь? У меня ведь не только красных, но и белых пуговиц нет. Черствый человек мой отец, ничем не балует меня.

Только одна мать, нежная, добрая, балует меня.

За эти пять лет всего лишь раз — из-за трудом — отпустила меня Длинноухий домой. Мать, увидев меня, очень обрадовалась, и долго меня ласкала и целовала. Дала мне пару пестрых носков и вот эту рубашку с красным воротом. Все распростила: как обрадовалась со мной Длинноухий, не бьет ли меня, не заставлял ли голодать, давно ли на мне этот кожан.

Что говорить, очень плохо обращается со мной Длинноухий, но разве я посмею бы сказать о нем что-нибудь скверное даже своей матери?

Когда она увидела мою одежду, изорванную овины и бурку, — начала упрекать отца:

— Чтоб тебя громом оглушило! Зачем ты отдал мальшю в чужие руки? Трусом я никогда не был, и мы начали бороться.

Так приговаривала она, и слезы, как слезы, падали ей в глаза. Мне самой даже стало жалко себя и я тоже принялся плакать.

Мать постирала мне белье, застала дыры на бурке, смазала кожу салом, и напекла мне на масле квери*).

Белой муки, призывая ее у соседа Молодина.

Очень тинуло меня к своему дому, не хотелось возвращаться обратно к овцам. Не пойму, зачем только отец отдал меня чужим людям?

Длинноухий никогда не отпускал меня даже на свадьбы и на церковные праздники.

* Булки.

Таял на солнце горячим
Снег и стелала вода.
Вверх по горе с водою
Двигались туров стада.
Голосом их подгонял,
Шел их войлок по следам.
Длины развалин достигли,
Там, за скалистыми цитом,
Их на настегнет охотник,
Волк не достанет ильком.
Там они страха не знают
Перед опасным врагом.
Никто — промчался олень,
Через бугор перешли.
Только самца лишь до самки
Видит охотник вдали.

Эх, вдруг обменял винтовку?
Путь, ведь, до цели велик,
Но не задумайся, выстрелил...
Выскочил по следу дымок.
В страхе от выстрела, дыма,
Зверь бегут наутек.
Опытный, храбрый охотник
Мчит по следу вперед.
Раза два — три обогнал их,
Льется рекой с него пот.
Все же на выстрел ружейный
К ним он не может подойти.
Или загнать их в ущелье,
Чтоб одного хоть убить.
Если-б застал их в теснине,
Иль на вершине настел,
В борю он усмехнулся-б.
Было бы видно в тот миг,
Как он на взлета жарит
Жирный и сочный шашлык.
Долго в тот день он с азартом
Гнался по выступам гор.
Тщетно... Досада и злоба
Сердце терзают его.
Чувствует устал и голод,
Падает «бондули»*) с ног,
В ноги впираются, колот
«Црипи»**), кривятся в бок.
Но, ведь, в беде не помогут
Жалобы, плач, или вздох!
Диву давался охотник
День неудачный каной!
Вечер. Спускается солнце,
Вот уж сравнялось с горой.
Скоро стемнеет и выйдут
Волки голодной гурьбой.
Край этот мгlistый, пустынный
Пушей сдвинется мглой.
«Эх! Не убить, видно, зверя!
Восторжествовал враг.
Ты, фел мест этих, руку
Помоги мне прости!

Дай мне удачу! Пусть станет
Явью вчерашний мой сон.
Раньше обьявлял, ужом
Ничем не обиделся он?
Верю я в сына: убью
Так вот зверей ископю...
Молится тайно Таврели,
Высокий хлеб он жует,
Смотрит в провалы ущелья,
Зорко он смотрит вперед.
Смотрит на выступ скалистый,
Где лишь кустарник растет,
Зверю ищущие травы,
Папоротник тощий цветет.
Пристально, криво он смотрит:
Там, где скалистый выост,
Где свое прочиная,
Горняк речка течет,
Брызгами белыми пенны
В скалы кровавые бьет.
Слышит оттуда как — будто
Сток, что из сердца идет,
Видит он: вытянул лапу,
Гудит выставка вперед.

*) Бандули — горная оузе, за бычьей кожей: вместо подпояса — ремня крест-на-крест, чтобы не скользила нога и не пачкалась бы за скалы; вместо стельки внутри — подстилка из скошенной горной травы, похваченной на копыта.
**) Црипи — особого рода подковы, которые можно в одну минуту прицепить и отцепить, отправляясь на опасную охоту в горы.

Барс на спале растянулся,
Впился в охотника взгляд.
Полосы, как расписные,
Снизу его бороздят.
Лопы у барса болят.
Злоба на сердце — как ком.
Кровь, что сочилась из раны,
Соединялась с ручьем,
Вместе с водой уносила,
Падая в пропасть потом.
Стоит вырвался у барса,
Стоит так, мстительно горю,
Вон под вражеским игом,
Словно под мглою горю,
— Бей! Что же ждешь ты, охотник?

Барс, — это ты же, ведь, дичь...
— Нет, не могу. Хоть убей ты!
Слеп я, что-ль? Сам посуди:
Барс, — он такой же охотник,
Ты же, как я, засучив
Полы чохы, исходил он
Гор беспредельность и нив.
Барс узнает в человеке
Этом Таврели — и вот
Прямо к нему подползает,
На ногу лапу кладет.
Тот осматривал его рану
И, наклонившись над ней,
Острым он вытаскивал камень
Из под мотушки когтей,
Плоский обломок — обвалом
Был он с горы унесен —
Остро отточенный клявом
Коршуна — стража высот.
Ранил могучую лапу
Барс на охоте, когда
Гнался за дикими турами.
Там, по скалистым грядам,
Вычищал ргу Таврели,
Выскоблил гной он ноюм.
Перевязал ее крепко
Ярним войлук, повязав,
Барс повернулся нежданно,
И, заведя хвостом,
Пореманил через горы
Птичку, заманувшей крылом.
Бандули под Таврели,
Виденным всем удивлен:
Барс этот мирный и кроткий —
Явля ли живая, или сон?
Слышит он грохот какой-то,
Шлопот шлогов. Недалеким,
Шелест листво нарастающий
Ловит он слухом своим.
Вдруг, потрясая рогами,
Вскочил олень перед ним.
Гости встречают охотник
Выстрелом громовым.
Выстрел раскатом отдался
Там, из соседней скалы.
Летом потоки скатились
В бездну ущелья олень.
Что это? Место, где прежде
Видел олень был, — сейчас
Шлопот нетвердый походит,
В гору взбирается бред.
Вскоре с вершины спрыскал
Мощный песчаный обвал.
Тур, собиравшийся прыгнуть,
Вскочил не вытаскивая,
Был наповал он и тура.
Вниз полетел тот, скользя,
Там, где был тур, видит барс,
Лапой бьет в грудь он себя.
Поял и молвил Таврели:
«Счастливы создатели твои!»

Сумерки... Барс не видно.
Стоит ночь. Тишина.
Как этот мир уничтожить,
Что может сделать луна?
Где-то внизу сиротливо
Летит лиса залилась,
Туго ей, видно, несчастной,
Видно, беда с ней стрелась.
Я приношу вам в подарок
Этот старинный рассказ.
1890 г.

Перевел с грузинского Б. СЕРЕБРЯКОВ.

бессистемно надоедал орлу. И тогда он, обозлившись, ударил его крылом. Ворон с подбитым крылом полетел вниз, толкая ветром понесло в него. Орел же, спокойно и величественно поглаживая в безлопные пропасты, продолжал лететь. Второй ворон отстал от него. Перелетев гору Савариани, этот орел вскоре скрылся из виду.

Но вот со стороны Ахуни показались тучи орла. В котлах он держал когти и играл ею: то бросил ее на землю, то сцепившись камнем вниз, схватил с слова подметает вверх; потом снова выпустит. И так несколько раз. Вскоре он приблизился к тому месту, где сидел я, но не заметил меня под камнем, со мной дедала Кучука.

Местность у Ахуни скалистая, покрытая спящим бузгачником. Ота и напиралась орел. И вот, случившись, так, — обрел он снова свою когти, а я и я, упавшая возле нас. Курпа быстро кинулась к ней, и прежде чем орел успеет схватить, впилась в нее зубами. Распарив, орел зашипел, точно змея, разлетел вверх и скрылся в испуге за скалами.

Потом я спросил у деда: что он выделывал орел с когтем?

— Он всегда так делает, — сказал дед, — когда он не может разбить когтем когти. Бросает ее с высоты в камнях до тех пор, пока не разобьет, и тогда уже лакомится мясом.

Хвала тебе, создатель! Не знал я, что так делают орлы!

Горы мои, родные! Сколько интересных тайн вы в себе! Везде, как раскаты только слеза, как войдут только первые побег чауды, соберу их, принесу в свой завет и спрячу в чашке. Ничего не может быть чуднее этого!

В ту пору показались из свет и тучи орла. От радости тогда всякий сон прерывал. Вон орлы, вон орлы! Не вот, через два года рассказывал мне Длинноухий, и неужто вернется тогда к матери с цветными руками и принесет ей хотя бы одну овчинку и кожан?

Перевел с грузинского А. Х-иде.

